

ДОМ ШАЛЯПИНА

В прошлом году в Москве открылся музей Ф. И. Шаляпина. Мало кто знал, что предшествовало торжеству. На протяжении двух десятилетий шла острая борьба мнений: «Быть или не быть музею?». Сказывались годы неприятия Шаляпина. Редактор «МХ» Ю. А. Бычков беседует с инициатором создания музея С. В. Фадеевой.

С. Ф. До конца дней очевидно сохранит моя память гнев нашего зам. министра культуры: — «Музей?! Этому эмигранту! Белогвардейцу! Предатель! Да вы думаете, что говорите?!».

Трагедия художника, оказавшегося вдали от любимой России, отпугивала многих. Слишком долгое время в печати имели свободное хождение небезыссыльные клеветы, а порой и необоснованная злоба.

«Несмотря на свой мировой талант, Шаляпин чужд нам и за десять лет с Октября не дал ни копейки из своего таланта рабочему классу» («Вечерняя Москва», 1927 год). «Федор Шаляпин протянул руку белогвардейцам. Он опозорил высокое звание народного артиста республики. Вычеркнем Шаляпина из списка граждан Советского Союза» («Рабочая газета»).

Шаляпин отвечал: «В газетах печатали статьи о том, что Шаляпин примкнул к контрреволюционерам. Актеры, циркачи и другие служители искусств высказывали протесты, находя, что я не только плохой гражданин, но и актер никуда не годный. Народные массы на митингах отлучали меня от родины... Я прошу всех моих соотечественников — монархистов, социалистов, коммунистов и анархистов раз и навсегда оставить меня в покое и дать мне возможность заниматься тем делом, которому я действительно пригосен».

Только теперь стало известно, что это была травля, организованная руководством Всесоюзного Союза работников искусств.

Ю. Б. Вы много лет знали И. Ф. Шаляпина. Какое было к ней отношение? С. Ф. Старшая и любимая дочь певца — Ирина Федоровна — единственная из родных, жившая в Москве, претерпела все гонения, связанные с нападками на ее отца. И выселение из дома на б. Новинском бульваре, и вежливое «выдворение» ее из театра, и жизнь на небольшую пенсию вдвоем с больной матерью Иолой Торнаги, и долгое обивание порогов официальных учреждений с прошениями...

Ю. Б. В чем это выражалось? С. Ф. В 1961 году она обратилась в Министерство культуры РСФСР, где я работала, с просьбой создать музей Шаляпина в Москве. Последовал ответ: «Создать музей Ф. И. Шаляпина в Москве не представляется возможным».

Не зная, чем утешить Ирину Федоровну, я выждала случай обратиться к начальству: «Есть ли какая возможность поддержать просьбу Ирины Федоровны о создании музея?». Вот тогда-то и состоялся «разговор». Мне ясно дали понять: впредь с подобными вопросами обращаться не следует. А я все-таки серьезно занялась изучением архивов.

Состоялся второй разговор с зам. министра: «Готова вам доказать, что документально существующее мнение о Шаляпине устарело». Сорок страниц машинописного текста были положены на стол начальства. Далее готовим докладные, письма, (копии их сохранились). Докладные, письма, объективные материалы беззвучно «оседали» где-то в

высоких инстанциях... Пока впустую доказывали, обосновывали необходимость создания музея — дом Шаляпина оказался под угрозой сноса.

История его спасения — это отдельный разговор. Ирина Федоровна не дождалась немалого больше года до постановления о музее. Но в числе «первопроходцев» в борьбе за музей ее имя — первое.

Ю. Б. Если подходить с позиции ленинского отношения к таланту как национальному достоянию, мы в большом долгу перед русским гением. В последние годы для пропаганды творчества Шаляпина и реабилитации его личности сделано немало: грампластинки, книги, устраиваются вечера, выставки... Но все, что делается, достойно ли того, кого А. М. Горький назвал «символом русской души и таланта»?

С. Ф. К сожалению, не всегда и не все. Несколько примеров. Известно, как современники боготворили голос Шаляпина, и это действительно — художественный феномен. И неловко бывает за устроителей вечеров, посвященных Ф. И. Шаляпину, где неповторимый голос великого певца подается как «фон», как нечто второстепенное: пока гости разговаривают, поднимаются по лестнице, ищут места, разговаривают... — все это время в записи звучат лучшие вещи шаляпинского репертуара. И самое обидное, что этого не понимают профессионалы — научные сотрудники (юбилейный вечер в музее музыкальной культуры им. Глинки).

Какое чувство сопереживания может возникнуть при демонстрации кадров горестного акта перезахоронения праха великого сына земли русской под мощные шаляпинские «Очи черные, очи страстные»...? (фильм «Элегия»).

Особенно удручают выставки. Организационные успехи, без какого бы то ни было художественного сценария (на уровне самодеятельности), они не достигают цели.

Ю. Б. Ваше впечатление о стационарной экспозиции? В «Московском художнике» В. Климов в статье «Дом Шаляпина», вероятно, единственный попытался дать развернутую оценку экспозиции Дома-музея Ф. И. Шаляпина.

С. Ф. У меня много принципиальных возражений по поводу этой статьи. Но сначала о музее.

Не знаю, какое у вас впечатление от экспозиции. Я поделюсь своим. Когда мы проходили по залам с дочерью Шаляпина Татьяной Федоровной, осматривали дорогую красивую мебель, сверкающие хрусталем люстры, золоченые потолки, ручной работы шторы на окнах, живопись, скульптуру, графику, охватывало чувство неловкости, даже вины перед русским гением.

Так счастливо, так красиво жило здесь Шаляпину, а... уехал? Вероятно, не случайно Татьяна Федоровна отметила: «Здесь шаляпинского духа нет». И неловко возникает вопрос: «А найден ли верный образ музея?».

Ю. Б. Создание экспозиции — работа сложная. Условно обычно трудные.

С. Ф. По счастливой случайности сотрудники музея

Глинки оказались в выгодном положении по сравнению со многими их коллегами.

Не надо было приспособлять случайную архитектуру — дом мемориален. Основной вопрос для музеев: на каком материале строить экспозицию — тоже не стоял в той мере, когда надо начинать с нуля. А для научно-исследовательской работы — условия наивыгоднейшие: 10 лет длилась реставрация дома. Наконец, еще одно редкое везение: живы дети Ф. И. Шаляпина, которые не только делают щедрые дары, но и помнят жизнь Федора Ивановича в расцвете творческих сил, помнят, где что стояло, что любил отец и вообще жизнь всей большой семьи в этом доме.

Ю. Б. И как же воспользовались столь благоприятными обстоятельствами экспозиционеры для раскрытия многогранного образа Шаляпина?

С. Ф. А вот судите сами. «Дом Шаляпина» — в нем уже заложен образ музея. Это, если хотите, направление, согласно которому видится прежде всего Его Дом, а потом уже музей. Такое понимание как раз отвечает потребности людей во встрече с Шаляпиным. Сюда можно прийти в гости к великому певцу.

Но почему-то посетители музея Ф. И. Шаляпина восхищаются, глядя на золоченые потолки, которые были белыми, когда здесь жила семья певца, «дворцовые» шторы, которые не висели тогда на окнах (были самые простые), огромные зеркала, которые не любил хозяева дома, дорогую мебель и рояль, которые никогда не стояли в этих комнатах. Посетители музея не знают, что «мемориальный» кабинет не вполне мемориален, не подозревают, что «костюмерная» со своими сверкающими витринами была когда-то спальней Федора Ивановича, а «трюмная» — ванной комнатой.

Ю. Б. Но мемориальность не обязательно предполагает «воспроизвести все точно, как было».

С. Ф. Безусловно, дело не столько в точности. Важно принципиально правильно (документально) создавать атмосферу жизни гения.

Посетители музея, конечно доверяют его нынешним хозяевам — сотрудникам музея музыкальной культуры имени Н. И. Глинки, а вот Татьяна Федоровна Шаляпина, проведшая в доме детства и юности, с обидой говорит: «Нет, в доме у нас все было гораздо скромнее и проще. Папа был человек со вкусом, красоту любил, был человеком скромным». Сын Шаляпина Федор Федорович пишет: «...У нас не было тяги к так называемому вешизму, в нашем доме не было мещанства и всего того, что с ним связано».

Поклонники великого певца, знающие историю его жизни, утверждают, что музей не создает верного, целостного представления о Шаляпине — певце, артисте, человеке, гражданине.

Ю. Б. Принципы организации экспозиции, в частности, вопрос соотношения мемориального и типологического — дела профессиональные.

С. Ф. Однако профессионализм в области экспозиционной работы не предполагает секретности. Более того, музей, особенно мемориальный, только выигрывает, если в их создании участвует много знающих людей.

Ю. Б. Научной разработке концепции любого музея предшествует исследовательская работа. Как ее вели со-

трудники музея имени Глинки?

С. Ф. Знали Ирину Федоровну известно, что она жила надеждой на открытие музея, берегла все до мелочей (мебель, рояль, библиотека классиков, произведения живописи и графики, афиши, фотоальбомы, эпистолярное наследие, дорогие подношения и многое другое). Но, к великому сожалению, чуть ли не в день кончины Ирины Федоровны вещи из ее квартиры были кем-то «рассредоточены». И если кто-то не заинтересован был сохранить саму квартиру Шаляпиной как мемориальную, так уж во всяком случае эта бесценная коллекция могла бы войти в экспозицию музея, фигурально выражаясь стать печкой, от которой следовало «танцевать».

Вероятно, не возникло бы столько «трудностей» (порой на грани «детектива»), о которых щедро делилась пресса.

В газете «Известия» от 23.IX.88 г. директор музея им. М. И. Глинки Р. Здобнов писал: «О том, как раздобывали экспонаты для шаляпинского музея, можно написать увлекательный рассказ». И приводит такой пример: «В Ленинграде нашли рояль «Бехштейн», некогда подаренный артисту поклонниками». Но очевидно, Ростислав Николаевич «не в курсе», что подобный рояль находился в квартире Ирины Федоровны до последнего дня ее жизни. О нем, кстати, упоминалось в заметке об Ирине Федоровне — журнал «Смена» № 11, 1968 год: «...старшая дочь великого певца — хранительница бесценных реликвий, связанных с именем Федора Ивановича. Среди этих реликвий знаменитый рояль Шаляпина. Это кабинетный инструмент красного дерева марки «Бехштейн». На нем пластинка с надписью: «Великому художнику-певцу Ф. И. Шаляпину от друзей и поклонников». Невольно напрашивается вопрос к работникам фондов музея им. Глинки: «Если рояль не тот, где хранится рояль Ирины Федоровны? А если в экспозиции музея рояль из ее квартиры, то зачем же его было разыскивать в Ленинграде?».

Далее: «Десять лет собирали экспонаты. Бережно сохраненные, они вернулись на свои места» («Вечерняя Москва» от 22.IX.88 г.). Скорее, прямо скажем, благодатнейший для серьезной научно-исследовательской работы... Но почему-то музей наводнили вещами, не имеющими отношения к Шаляпину. Про неудовольствие Татьяны Федоровны Шаляпиной сотрудниками музея осведомлены. Она высказала свое мнение не только музею: «О своих сомнениях я прямо заявила министру культуры господину Захарову. И надеюсь, к моим словам прислушаются в музее».

Музей (тем более мемориальный) без подлинных вещей состояться не может. Как музейный работник понимает это и директор музея имени Глинки, заверяя: «Все, что вы видите в мемориальных помещениях первого этажа, оправдано исторически. Мы стремились воссоздать такую обстановку, какой она была при жизни Федора Ивановича и Иолы Игнатьевны».

Стремилась... Охотно верим, но не достигли.

Ю. Б. А какие бы вещи хотелось видеть в экспозиции в первую очередь?

С. Ф. Уже упоминалось, что отсутствует главный экспонат — рояль Шаляпина марки «Бехштейн», в экспозиции нет комнат самого хозяина дома (в ней выстав-

ка костюмов), нет подлинного кабинета певца (в нем вместо массивного письменного стола стоит изящный секретер, нет шкафов с предположениями, отсутствует и дорогая для Федора Ивановича библиотека, подобранная А. М. Горьким, нет, кстати, и «кустодиевской шубы», о которой упоминала «Вечерняя Москва»).

И очень жаль, что не понятно экспозиционеры и предназначение интереснейшего по архитектуре зала, где могла быть приоткрыта тайна творчества великого артиста. Ведь именно здесь проходили репетиции спектаклей, встречи с композиторами, писателями, актерами. Здесь расцветала душа хозяина дома!

Чужие вещи (гарнитур белой с позолотой мебели, мраморный стол, сервант с огромным зеркалом и другое), конечно же, создают совершенно обратное впечатление.

Ю. Б. Сила музейной экспозиции — в подлинных вещах — первоисточнике знаний и чувств; слабость, ограниченность — в передаче отвлеченных понятий.

Достаточно вспомнить мемориальные музеи А. С. Пушкина в Михайловском, Л. Н. Толстого в Хамовниках, А. П. Чехова в Мелихове, П. И. Чайковского в Клину, В. Д. Поленова в Поленове...

Именно ради встречи с подлинником посетитель идет в музей...

С. Ф. Но этот основной принцип музееведения создателями экспозиции будто «сознательно забыт».

А в «МХ» В. Климов то ли в угоду экспозиционеру, а скорее новым веяниям авангардизма старается не менее «сознательно» убедить читателя (но не зрителя), что для музея подлинники — вообще не обязательны:

«Музей воссоздает его (Шаляпина — С. Ф.) мир не в бытовом биографическом обрамлении, но в скрещении судеб, борений стилей, перекличке голосов. В напряжении духовных контактов, а не в разряженном поле бытовых подробностей и случайных мелочей».

Ю. Б. Не зря И. С. Тургенев на века припечатал красноречивые: «Друг, Аркадий, не говори красиво». Духовные контакты при отсутствии духа Шаляпина в его собственном доме — это фантазматика какая-то!

С. Ф. Люди, в большинстве своем, не довольствуются только плодами творчества. Им интересно познакомиться поближе с великими людьми. Они и творчество-то их лучше начинают понимать, если будут больше знать о жизни. И вот именно дом, мир вещей, с которыми соприкасался гений, хранят духовность ушедшего времени, дух человека, близкого нам. Как много тут зависит от искусства экспозиции.

Ю. Б. Необходимо учитывать — экспозиция создается не только как научно-познавательная, но и как художественная ценность, и прелесть ее еще и цели эстетического воспитания. Именно поэтому мы с полным основанием говорим об экспозиции, как об одном из видов искусства, причем сложного синтетического искусства.

С. Ф. Безусловно. Экспозиция — это конечный результат совместного труда научного коллектива и художника. Роль художника (особенно в образном решении темы) очень много значит. Но его работу надо объективно оценивать. Нельзя же преподалось читателям самое рядовое (пусть даже и добросовестное оформление), как сложные художественные приемы, а дизайнера не иначе, как «творящего» напряженные образы пространства, в которых перестраиваются, конфликтуют, сталкиваются... Пространства, где особыми аккордами под-

черкнуты дарообразующие мотивы — балаган, Дом, круг общения».

Так в «МХ» пишет В. Климов. Речь идет, надо полагать, об экспозиции второго этажа. А что видит здесь зритель? Перепланированные бывшие детские комнаты, минимум вещевых материалов, в основном мелкие фотографии, рассказывающие о творческой жизни певца. Каждая из них оформляется художниками отдельно — в паспарту и рамочки. Иногда несколько фотографий компануются в одном планшете, чем достигается определенный зрительский акцент. На этом, к сожалению, художественная мысль «дерзких дизайнеров» (В. Климов) и исчерпывается. Есть, правда, попытка вызвать у посетителя ассоциации со сценой, кулисами. С этой целью окна драпируются «под занавес», в зрительный ряд первого зала вводится балаганчик с петрушкой — от балаганчика получил молодой Шаляпин первое «театральное» впечатление.

Но уже дальше смысловые акценты смещены. Например, во втором этаже зрительно выделен большой круглый стол, на котором лежит шлем Дон-Кихота; сам по себе этот «экспонат», может быть, и представляет интерес как художественная работа, но отношения к Шаляпину не имеет.

Попытка художников придать каждой теме свой образ (хотя бы акцентами) достигло бы цели, если бы это делалось опять же с помощью подлинных реликвий, в которых присутствует эмоциональное и художественное начало, необходимое для понимания творческой личности.

Именно в процессе соприкосновения с подлинниками (с помощью точно найденных художественных приемов) происходит воспитание у зрителя культуры видения и культуры чувств.

Ю. Б. Не думаете, что на нас обидятся сотрудники музея?

С. Ф. Не стоит обижаться на замечания, касающиеся профессиональных вопросов.

К примеру, совершенно непонятно, о каком «сценарии» так эмоционально говорит тот же автор вашей газеты? «...Академически точные научные сотрудники, дотошные исследователи, знатоки шаляпинского жития... написали своеобразный сценарий, и дизайнеры, художники с прихотливой фантазией и поэтическим мышлением... воплотили его в жизнь».

Вряд ли это могло произойти, хотя бы по той простой причине, что у музея «сценария» просто нет. Есть так называемый «Тематико-экспозиционный план экспозиционной части Дома-музея Ф. И. Шаляпина». (Дословно). Но он представляет лишь перечень материалов, входящих в экспозицию второго этажа (считая, видимо, первый не экспозиционным). И что удивляет: созданный двумя работниками фондов и научным сотрудником музея им. Глинки (Л. Савченко, Р. Саркисян и Е. Евсеева) план, если и обсуждался, то вряд ли широко, скорее, на уровне музея.

Ю. Б. Создание экспозиции мемориального музея — сложная, кропотливая научная работа. Одним сотрудникам, даже если они фанатично преданы своему делу, такой труд не по силам...

Музей невозможно создать без помощи (и без контроля) поклонников и знатоков творчества, не говоря уже о родственниках и потомках великих людей. Музей обычно выигрывает, если такие люди участвуют в его создании и работе.

С. Ф. Вы о привлечении детей Шаляпина? К сожалению

(Окончание на 3-й стр.).

15/XII - 1989
Шенкер Ф. И.

166

ДОМ ШАЛЯПИНА

(Окончание.)

Начало на 2-й стр.)

нию, насколько мне известно, здесь проявилось внутреннее пренебрежение при внешнем уважении... Предполагаю, что за этим кроется стремление огородить себя от вмешательства «посторонних» в «концепцию» экспозиционеров. Пока мемориальный музей, на что обязывает подлинная архитектура здания и название «Дом-музей Ф. И. Шаляпина», как таковой, не состоялся. Шаляпин, как национальная гордость и любовь народа — не раскрыт. Музей рождался с колоссальными трудностями (особенно это памятно первым энтузиастам-шаляпинцам), мы вправе рассчитывать на такую экспозицию, которая должна подвести посетителя к пониманию творчества Ша-

ляпина, как великого вклада русской культуры в общечеловеческую. Наконец, ответить на вопрос: чем дорог нам великий артист сегодня? И почему его место на оперной сцене, по оценке С. В. Рахманинова, никогда не будет занято.

Ю. Б. Где же ключ к решению образа великого певца и гражданина?

С. Ф. На мой взгляд, он затерялся еще на уровне замысла, понимания цели и задачи. Сказалась и слабая разработка тематико-экспозиционного плана (не говоря уже об отсутствии научной концепции).

Вношу предложения:

1. Разработать общий идейно-художественный проект музея Ф. И. Шаляпина с учетом современных достижений практики и музееведче-

ской науки. (Проект создается на конкурсной основе и выносится на широкое обсуждение).

2. Провести научно-изыскательские работы по комплектованию фондов.

3. С целью выявления, изучения, сохранения и правильного использования творческого наследия создать общественный совет с привлечением энтузиастов-шаляпинцев.

4. Привлечь в качестве консультантов детей Шаляпина.

5. Организовать выставку реликвий из квартиры Ирины Федоровны и даров всех родных Шаляпина.

Чтобы у советских людей никогда не остыла восторженная любовь к искусству гениального соотечественника, необходимо бережное отношение к его памяти.